

ГЕРОЙ (*).

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
 Какъ огненный языкъ, она
 По избраннымъ главамъ летаетъ,
 Съ одной сего-дня исчезаетъ
 И на другой уже видна.

(*) Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погедина при слѣдующемъ письмѣ: посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина «Герой». Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ (му. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время Холеры въ 1:30 году изъ Нижегородской своей деревни, и вотъ что писалъ объ немъ: . . . «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалиптическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую измененъ пашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени, и не мой рукою переписанную.» Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопѣ, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется никому не нужно припоминать, что число выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ много значительнаго *утѣмися*, 29 Сентября, 1230, есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время Холеры.

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ то чело священно
На тронъ, на кровавомъ полъ,
Межъ гражданъ на чредъ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто, всѣхъ болъ
Твоею властвуеть душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирилися цари,
Сей ратникъ вольностью вѣнчанный,
Изчезнувшій, какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ.

Когда-жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда-ль какъ съ Альбиовъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой,
Тогда ли какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій, тогда-ль
Какъ водить и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя
И прилетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой во слѣдъ;
Тогда-ль какъ рать героя плещетъ

ДРУГЪ.

Передъ громадой пирамидъ,
Нль какъ Москва пустынно блещеть,
Его приѣмля, и молчить?

П О Э Т Ъ.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Съвѣ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшисъ боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумой,
Царицею болѣзней. Онъ
Не бранной смертью окружёнъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь! кто жизньню своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,

Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
 Каковъ бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой.

ДРУГЪ.

Мечты поэта,

Историкъ строгой гонить васъ!
 Увы! его раздался гласъ, (*)
 И гдѣ-жъ очарованье свѣта?...

ПОЭТЪ.

Да будетъ проклять правды свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
 Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ.
 Оставь герою сердце; что же
 Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!

ДРУГЪ.

Утѣшься. ....

Москва. 29 Сентября 1830

(*) Mémoires de Bourienne. Бурьеннъ отрицаетъ въ «Запискахъ» своихъ сказаніе о томъ, что Бонапарте посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою прикоснулся къ некоторымъ для ободренія ихъ «J'affirme,» говорить онъ, «ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.»